

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

© 2008 г. А. Ю. Моздаков¹

В жизни человека понятия опасности и безопасности играют роль ключевых мировоззренческих ориентиров, вокруг которых группируются фундаментальные ценности человеческого бытия. Они неотъемлемо связаны с человеческим существованием в мире, в определенной мере характеризуются стремлением избежать тех многочисленных опасностей, которые подстерегают человека с момента его рождения и до конца земных дней. Голод, болезни, природные стихии – к этим естественным источникам опасностей следует добавить гораздо более многочисленные угрозы человеческой жизни, исходящие от самого человека, такие, как техногенные катастрофы, войны, преступления и т.д.

Следует признать, что социальный прогресс не только не устраняет эти опасности, но и не уменьшает их количество. Скорее, можно обнаружить обратную зависимость: рост технического могущества человека, увеличение его власти над силами природы неизбежно влекут за собой и увеличение источников опасности, рост масштабов исходящих от них угроз. В то же время эти процессы связаны с появлением систем безопасности, приданием делу обеспечения безопасности институционального характера (разделение труда приводит к созданию учреждений, специально занимающихся устранением и предотвращением угроз человеческой жизни). Исходя из источника угроз, можно провести различие между социальной безопасностью (то есть, устранением и предотвращением угроз для нормального функционирования социального целого) и безопасностью личности (соответственно, устранением и предотвращением угроз существованию индивида), хотя следует отдавать себе отчет, что эти виды безопасности неразрывно связаны друг с другом, и различие между ними носит условный характер. Любая социальная опасность прямым или косвенным образом отражается и на существовании личности, и наоборот. Вместе с тем характер связи социальной безопасности и безопасности личности меняется, и цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть эту связь в контексте тех радикальных общественных преобразований в России конца XX – начала XXI вв., свидетелями которых мы являемся.

Безопасность – сложное социальное явление, противоречивым образом отражающее отношения различных социальных субъектов. Нередко одни из них стремятся обеспечить свою безопасность за счет других, либо в своей деятельности не принимают во внимание интересы иных социальных групп и их потребность в безопасности. Речь в таком случае следует вести о своеобразном “социальном эгоизме”, который если и был относительно терпим в предшествующие эпохи, то в эпоху нарастающей глобализации сам на-

чинает представлять собой серьезную угрозу. Отсюда необходимость различать общее, социально-значимое представление о безопасности и представления, обусловленные субъективными позициями, неоднозначными оценками и предпочтениями.

В буквальном смысле безопасность означает отсутствие опасности. Однако “в реальном окружающем мире не существует “ситуаций без опасности”: где бы мы не находились, хоть что-нибудь угрожает нам. Иными словами, при рассмотрении безопасности в качестве результата отсутствия опасности безопасность сводится к чему-то несуществующему... Безопасность обозначает качественно сложное явление, смысл которого не исчерпывается отрицанием опасностей... Категория безопасности охватывает различные аспекты, среди которых выделяется способность к выживанию, т.е. способность к сохранению своего существования и продолжению жизнедеятельности”².

Потребность в безопасности принадлежит к числу базисных мотивационных механизмов человеческой жизнедеятельности³, и в этом отношении человек мало чем отличается от любых других живых существ. Такое представление, во-первых, связывает понятие безопасности со стихией родовой жизни (жизни всего человечества), во-вторых, включает в его содержание все многообразие взаимодействия индивидов и социальных объектов с многочисленными обстоятельствами и факторами (из числа которых на первый план, разумеется, выходят факторы, оказывающие негативное и деструктивное воздействие). Предотвращение, ослабление, нейтрализация этих негативных и деструктивных воздействий, нарушающих нормальное функционирование социума дает представление о социальной безопасности. О безопасности личности речь, следовательно, идет тогда, когда данные негативные воздействия обращены на деятельность индивида.

Тот факт, что понятие безопасности связано с базисными мотивациями жизнедеятельности, подтверждается тем, что людям свойственно ощущать свою безопасность или угрозы ей в виде сигналов тревоги, инстинктивных реакций организма, интуиции и т.д. Если даже отбросить утверждение, что безопасность связана с иррациональными, бессознательными элементами психической жизни, то в любом случае придется признать, что понятие безопасности имеет значение субъективного представления индивидов об отсутствии или наличии угроз своему существованию. С одной стороны, безопасность (или опасность), не выраженная в субъективном представлении, не сможет выполнить свою главную функцию – скорректировать линию поведения индивида (социальной группы, об-

¹ Заместитель генерального директора НПО “Наука”, контр-адмирал в отставке.

² Ходаковский Е.А. Россия в глобальном противостоянии Запада и Востока. СПб., 2007. С. 33–35.

³ О понятии базисных мотиваций см.: Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2001.

щества в целом) и избежать надвигающихся опасностей. С другой стороны, если субъективное представление – обязательный и необходимый момент понятия безопасности, то он все же не является достаточным. Иначе мы вынуждены были бы согласиться со стоиками, в частности с Марком Аврелием, который утверждал: “Измени отношение к вещам, которые тебя беспокоят, и ты будешь от них в безопасности”⁴. Субъективное превращение чувства опасности в его противоположность не устраняет самой угрозы, вместе с тем само ощущение безопасности может быть обманчивым и не отражать истинного положения вещей.

Однако, как несомненен субъективный момент понятия безопасности, так несомненно и его объективно-всеобщее содержание. Безопасность представляет собой непреложную ценность, которая имеет универсальный характер, так как признается всеми людьми, независимо от их расовой, национальной или социально-классовой принадлежности. И хотя в относительно длительные периоды социальной стабильности ценность безопасности может отходить на второй план, социальные катаклизмы, эпидемии, войны, террористические акты, представляющие собой, к сожалению, атрибуты истории человечества, вновь обостряют значение безопасности и возвращают ей статус важнейшей жизненной ценности. Характерный пример – события 11 сентября 2001 г., которые перевернули общественное сознание американцев, поставив в их общественном мнении ценность безопасности выше ценности свободы.

Понятие безопасности предполагает определенные меры, направленные на устранение той или иной угрозы. Следовательно, это понятие предполагает и межличностные отношения, характеризующиеся взаимным доверием, стремлением к мирному решению конфликтной ситуации. Чтобы установить безопасность, люди формулируют нормы и принципы своих взаимоотношений, народы заключают договора о ненападении, вступают в военные и политические союзы, гарантирующие им их безопасность. В этом смысле понятие “общественного договора” распространяется не только на социальную безопасность, но и на безопасность личности. Если в обществе царят вражда и взаимное недоверие людей, то “нет более разумного для человека способа обеспечить свою жизнь, чем принятие предупредительных мер, т.е. силой или хитростью держать в узде всех, кого он может, до тех пор, пока не убедится, что нет другой силы, достаточно внушительной, чтобы быть для него опасной”⁵. В теории “общественного договора” Т. Гоббса понятию безопасности отводится центральное место. Трактаты “Основы права”, “О гражданстве” и знаменитый “Левиафан”, с одной стороны, посвящены доказательствам преимуществ абсолютной власти, с другой – эти доказательства строятся на принципах теории естественного права и договорного происхождения государства. Гоббс использует теорию общественного договора для того, чтобы доказать, что закономерным результатом функционирования государства, основанного на общественном договоре, должна быть абсолютная власть суверена. Отталкиваясь от принципов философского

механизма, Гоббс кладет в основание социального поведения индивида фундаментальные реакции влечения и отвращения, превращающиеся в желание власти и страх смерти. Именно страх объединяет людей в общество, побуждая их отказываться от стремления к неограниченному самоутверждению. Суть “общественного договора” в том, что люди, заботясь о своей безопасности, делегируют свою свободу абсолютной власти суверена, понимая, что в противном случае, избрав свободу безграничного самоутверждения, они остаются в естественном состоянии дикости, в котором никто не может им гарантировать личную неприкосновенность и безопасность. Это общеизвестные истины, так как теория “общественного договора” давно уже стала краеугольным камнем не только политической теории, но и политической практики. Вместе с тем следует обратить внимание, что в теоретических построениях Гоббса личная безопасность достигается только в сфере социального всеобщего, олицетворяемого властью и силой абсолютного суверена. Необходимо учитывать то обстоятельство, что в середине XVII в. теория “общественного договора” возникла не в контексте иных, альтернативных теорий власти, а в контексте религиозно-мистических представлений о божественном происхождении властителей, о чудотворной силе королевской крови и т.п. Гоббс демистифицировал природу власти, когда начал рассматривать ее как результат правового соглашения, контракта, то есть, как следствие человеческих действий, а не как эманацию божественных энергий. Не принимая во внимание эту демистификацию, мы не поймем смысл данного Гоббсом определения государства: “Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и защиты”⁶.

И в наши дни “основным субъектом обеспечения безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной властей”⁷. В системе исполнительной власти всех стран есть специальные службы, которые занимаются исключительно обеспечением социальной безопасности. В нашей стране – это Федеральная служба безопасности РФ. “Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ России) является федеральным органом исполнительной власти, в пределах своих полномочий осуществляющим государственное управление в области обеспечения безопасности...”⁸. Однако, согласно теории “общественного договора” государство берет на себя обязательство обеспечить и безопасность социального целого и безопасность индивида, то эта функция не снимается и с других органов власти, как исполнительных, так и законодательных и судебных.

Обеспечение безопасности средствами государственного аппарата нередко приводит к неправомер-

⁶ Там же. С. 197.

⁷ Закон РФ “О безопасности” от 5 марта 1992 г. Ст. 2 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 15. Ст. 769.

⁸ Положение о Федеральной службе безопасности Российской Федерации. Утверждено Указом Президента РФ от 6 июля 1998 г. П. 1.

⁴ Марк Аврелий Антоний. Размышления. СПб., 1993. С. 27.

⁵ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. произведения. В 2-х т. Т. 2. М., 1964. С. 51.

ному противопоставлению личной, индивидуальной свободы и безопасности. Необходимо отметить, что такое противопоставление противоречит духу теории “общественного договора”, где безопасность понимается, согласно словам Ш. Монтескье, как первая форма свободы. Безопасность есть необходимое условие и предпосылка для любой созидательной деятельности личности, которая, в свою очередь, нацелена на увеличение общественного благосостояния. Только отступая от исходных принципов теории “общественного договора” можно противопоставлять, с одной стороны, безопасность личности и социальную безопасность, а с другой – безопасность вообще и свободу. Такое противопоставление, как правило, порождается в исторически конкретных обстоятельствах, связанных, как ни странно, с относительно стабильными и безопасными периодами развития того или иного общества. Приведенный выше пример с событиями 11 сентября 2001 г. прекрасно это подтверждает, так как до этого дня США достаточно долго не знали серьезных проблем в обеспечении безопасности, в силу чего в общественном мнении ценность безопасности, воспринимаемой как данность, была отодвинута на второй план. Закономерно, что в определенный момент представление, что безопасность препятствует свободе личности, сменяется представлением о безопасности как о необходимом условии свободы.

История России, к несчастью, не знает таких длительных периодов спокойствия и стабильности. Тем не менее противопоставление личной свободы и обеспечиваемой силами государства безопасности было в 90-е годы прошлого века воспринято общественным сознанием как некая аксиома либерализма, претендовавшего тогда на роль новой национальной идеологии. Концепция государства как “ночного сторожа” предполагала сведение его функций к минимуму, и в этот минимум, разумеется, не входили функции обеспечения безопасности. Дело доходило до попыток объявления органов государственной власти, обеспечивающих безопасность, “заведомо преступными организациями”, покушающимися будто бы на основополагающую ценность человеческого существования – на свободу. Вследствие социального кризиса институты, призванные обеспечивать безопасность (спецслужбы, органы охраны правопорядка и т.д.), оказались по тем или иным причинам не в состоянии качественно выполнять свои функции, и им на смену пришли новые учреждения (охранные предприятия, частные детективные агентства и т.д.), которые хотя и не имели поначалу в своем распоряжении аналогичных ресурсов, но, тем не менее, довольно успешно конкурировали с первыми. Все это как раз и свидетельствует о фундаментальном значении безопасности в нашем обществе. Другой вопрос, что деятельность такого рода институтов должна координироваться, и принципом такой координации должен быть безусловный приоритет социальной безопасности над безопасностью отдельно взятого индивида, предприятия, социальной группы и т.д.

Нельзя не учитывать и тот факт, что в годы либеральных “реформ” потери экономики России, по оценке такого компетентного автора, как академик Е.М. Примаков, более чем в 2 раза превысили потери народного хозяйства за все годы Второй мировой войны⁹. Подоб-

⁹ См.: *Примаков Е.М.* По счетам удач и упущений // *Экономика и жизнь.* 2008. № 2. С. 4.

ные показатели не могут не свидетельствовать о подрыве экономической безопасности России, а, следовательно, и ее суверенитета. Только на фоне такой общей оценки следует воспринимать несомненный факт увеличения личной, в том числе и экономической активности, появление принципиально новых ее видов. Но возникновение новых видов деятельности влечет за собой и оформление новых видов угроз, а следовательно, и необходимость новых методов обеспечения безопасности. В данной ситуации проблемы безопасности личности выходят на первый план, хотя было бы большой ошибкой вновь противопоставлять их социальной безопасности, уровень которой серьезно снизился.

Либеральные реформы, даже если бы они проходили в России более удачно и осуществлялись бы более подготовленными и компетентными реформаторами, неизбежно, как и в любой другой стране, означают цивилизационный катаклизм, в основе которого лежит смена парадигмы человеческого существования. Мы можем отметить следующие, вполне очевидные признаки такого катаклизма:

- обесценивание культурных и нравственных традиций русской культуры (как, впрочем, и других национальных культур);
- девальвация производительного труда (в результате которой в центре общественного внимания оказываются рекреативные, вспомогательные профессии);
- социальная реабилитация насилия и криминальной изнанки социума (заслуги кинематографа 90-х годов в этом деле трудно переоценить);
- агрессивное насаждение худших образцов проамериканской массовой культуры (имеющее на фоне усиливающегося бытового антиамериканизма целенаправленно деструктивное предназначение);
- колоссальные масштабы коррупции, которую Президент РФ Д.А. Медведев назвал “проблемой № 1” для России.

Все эти и многие другие признаки свидетельствуют о той остроте, с которой сталкивается проблема обеспечения идентичности России. Фактически наша страна перестала быть единым субъектом исторического действия, и векторы ее развития определяются конкуренцией различных социальных групп, имеющих различные представления о возможностях дальнейшего национального развития и о способах реализации этих возможностей. Поэтому сейчас суждения о социальной безопасности приобретают форму представлений о безопасности той или иной социальной группы, претендующей на статус “центра силы”. Групповые представления, в свою очередь, сообщают мнениям о своей собственной безопасности характер всеобщности. Такого рода представления включают в себя черты конкретных типов жизнедеятельности, признаки образа жизни, соответствующего этой группе личности и семьи, характерные для нее мотивации и способы труда, методы самоидентификации, образцы восприятия и отношения к миру. В современном российском обществе идет активный процесс формирования альтернативных стилей жизни, с характерными представлениями об образцовом типе личности и с соответствующими способами обеспечения ее безопасности. Эти групповые представления следует оценивать с точки зрения безопасности социального целого, так как

определенные группы в современной России (“бюджетники”, так называемый “средний класс”) являются опорой стабильности и устойчивого развития, тогда как другие группы могут служить источником социальной агрессии, и способы обеспечения безопасности этих групп могут представлять собой угрозу для общества в целом. Коррумпированное чиновничество вряд ли способно добровольно перейти к бескорыстному служению высоким нравственным идеалам, и способ обеспечения безопасности его преступной деятельности будет представлять собой несомненную опасность для общества, возрастающую в зависимости от имеющихся в распоряжении чиновников властных ресурсов. Один из способов обеспечения безопасности такой деятельности – социальная реабилитация коррупции, превращение государственной службы в разновидность бизнеса, легализуемое узакониванием участия государственных органов в учредительных капиталах частных фирм, возможностью беспрепятственного перехода чиновников в предпринимательские структуры и обратно и т.д.

Несмотря на то, что социальная безопасность имеет прямую связь с безопасностью личности или социальной группы, эти два вида безопасности нельзя смешивать. Недопустимо всеобщий, универсальный характер социальной безопасности сводить к субъективному характеру групповых и личностных предпочтений. Нельзя конкуренцию представлений о дальнейшем развитии России принимать за предпосылку решения проблемы безопасности – в том смысле, что если деятельность какой-либо группы оказывается более эффективной и перспективной, то и связанные с этой деятельностью представления о безопасности будут иметь всеобщий, общеобязательный характер. Хотя вектор развития России и остается неясным, социальная безопасность имеет безусловный характер. Бессмысленно наделять характером всеобщности представления о безопасности, свойственные определенной социальной группе, действия которой могут привести к гибели целого.